

Ныне есть признаки кризиса революционной истории. Начинается «спуск на тормозах» от великой утопии к трезвому учету обновленной действительности и служению ей — революционные вожди сами признаются в этом. Тяжелая операция, — но дай ей Бог успеха!

Когда она будет завершена, — новая обстановка создаст и новые формы. Тормоза станут не нужны.

«Революция спасается от собственных излишеств». И горе тем, кто помешает ей в этом, — с трибун ли красных клубов, или из жалких эмигрантских конур.

Национал-большевизм (Ответ П. Б. Струве)*

Из всей обширной критической литературы, посвященной «национал-большевизму», статья П. Б. Струве в берлинском «Руле» представляется наиболее примечательной. Она сразу берет проблему в корне, выдвигает самые существенные, самые серьезные возражения, формулируя их выпукло, лапидарно и изящно. В ней нет ничего лишнего, но главное, что можно сказать против оспариваемой позиции, исходя из ее же собственного отправного пункта («имманентная критика»), — ею сказано.

Тем отраднее констатировать ее внутреннее бессилие по существу опровергнуть национал-большевизм в его основных утверждениях. Даже и наиболее, казалось бы, веские, наиболее убедительные на первый взгляд аргументы, по-видимому, неспособны поколебать этой точки зрения, завоевывающей ныне все более широкие симпатии в стане русских патриотов.

Разберемся в интересующей нас статье.

I

Решающая ошибка П. Б. Струве состоит в том, что он смешивает большевизм с коммунизмом. Исходя из этого невероятного и недосказанного им отождествления, он и получает легкую возмож-

* Статьи Струве о национал-большевизме были затем воспроизведены в журнале «Русская мысль» (София, 1921, кн. V–VII) под заглавием «Историко-политические заметки о современности».

ность утверждать «абсолютную и объективную антинациональность большевизма».

Я готов согласиться с П. Б. Струве, поскольку острие его полемики направлено против ортодоксального коммунизма. Едва ли реже, чем моим нынешним политическим противникам, приходилось мне самому подчеркивать чрезвычайную экономическую вредоносность коммунистического режима в современной России (эта сторона примиренческой позиции уже отмечалась в критической литературе: ср... напр., статьи Пасманика¹ в «Общем деле» и проф. Яценко² в № 5 «Русской Книги»³). Струве совершенно неправ, заявляя, будто национал-большевизм, увлекшись государственным фасадом Советской России, склонен «идеализировать весь ее строй» (т. е., очевидно, включая и социально-экономическое экспериментаторство?) Этого никогда не было и не могло быть.

Но ведь в том-то и дело, что советский строй не только не исчерпывается экономической политикой немедленного коммунизма, но даже и не связан с нею органически и неразрывно. Сам Струве несколькими строками ниже говорит о большевизме как о «государственной системе», представляющей собою «чистейшую политическую надстройку без экономического базиса или фундамента». Таким образом, необходимо признать, что качество «абсолютной и объективной антинациональности» присуще не большевизму, как таковому, а лишь той экономической политике, которую вела большевистская власть в период гражданской войны в неоправдавшемся расчете на близкую мировую революцию.

Однако общая обстановка заставила ее изменить систему своей экономической политики. Пришло время, когда хозяйственная опустошительность социального опыта уже не может более компенсироваться никакими политическими успехами революционной власти. Государство затосковало по хозяйству. На наших глазах происходит то тактическое «перерождение большевизма», которое нами упорно предсказывалось вот уже более полутора лет (см. хотя бы мою статью «Перспективы» в сборнике «В борьбе за Россию»), и ориентация на которую есть один из основных элементов национал-большевистской идеологии и тактики. Коммунизм из реальной программы дня постепенно становится своего рода «регулятивным принципом», все меньше отражающемся на конкретном организме страны. Советская власть капитулирует в сфере своей экономической политики, — какими бы правдоподобными словами эта капитуляция ни прикрывалась ее официальными представителями.

Совершенно верное указание на национальную вредоносность коммунизма бьет, таким образом, мимо «примиренцев», поскольку

они утверждают (а жизнь подтверждает), что большевизм эволюционно принужден будет во имя сохранения своей «эффектной политической надстройки», нужной ему для мировых целей, ликвидировать хозяйственно не оправдавший себя «базис» насильственного, «азиатского коммунизма»⁴. Тем самым и фасад мало-помалу утратит свою кажущуюся «призрачность» и обманчивость.

При этом для нас имеют лишь второстепенное значение мотивы, которыми руководствуется советская власть в своей «эволюции». П. Б. Струве правильно подчеркнул в первой своей статье наше утверждение: большевизм может осуществить известную национальную задачу вне зависимости от своей интернационалистической идеологии.

Другой вопрос — удастся ли советской власти в тяжелых условиях современной русской жизни перевести страну на «новые хозяйственные рельсы». Но что она принуждена «искренно» и всеми силами стремиться к этому, — сомнений быть уже не может. Равным образом ясно, что это ее устремление — объективно в интересах страны. Следовательно, оно должно встретить активную поддержку со стороны русских патриотов. Другой же путь — «возврат к капитализму» через новую политическую революцию — при данной обстановке несравненно более эфемерен, извилист и разрушителен.

II

Государственная «надстройка» имеет самостоятельный корень и самодовлеющее значение. Государственная мощь создается духом в еще большей мере, нежели материей; тем более, что здоровый дух в конечном счете неизбежно дополняет себя и материальной мощью — облекается в золото и оцетинивается штыками. Вообще говоря, терминология марксизма, которою зачем-то пользуется П. Б. Струве в нашем споре, совсем не идет к делу и лишь напрасно затемняет проблему. Ни для него, как для участника «Вех», ни для меня, как их воспитанника, не может быть сомнения в огромной и творческой ценности самого **начала государственной организации, как такового**. В социальной жизни «надстройка» может подчас сыграть созидательную и решающую роль. Она не есть непременно нечто вторичное и производное, фатально предопределенное фундаментом. Она может сама **обрести базу**, причем нет математически установленного соотношения между **данной** конкретной надстройкой и определенной конкретной базой. В творческих поисках экономической основы государственное здание может само

себя трансформировать. Нет надобности его во что бы то ни стало разрушать дотла, чтобы не очутиться перед сплошной грудой развалин без всякого фундамента и без всякой постройки вообще. Спасение приходит часто через «политику», через «фасад» — так сказать, сверху, а не снизу. Как же игнорировать политическую организацию, которую сумела выковать наша революция, только на том основании, что до сего времени эта организация сочеталась с утопической и вредной системой хозяйствования?

Не могу не признаться, что с моей точки зрения правительства Львова⁵ и Керенского⁶, в полтора года доведшие (пусть невольнo) страну до полного государственного распада методами своей политики, едва ли не в большей степени заслуживают названия «абсолютно и объективно антинациональных», нежели большевизм, сумевший из ничего возродить государственную дисциплину и создать хотя бы «эффектный фасад государственности». Для начала и это бесконечно много. Через мощную, напряженно волевою власть, и только через нее одну, Россия может прийти к экономическому и общенациональному оздоровлению. Какой же смысл расшатывать в таких муках создавшуюся революционную власть, не имея взамен никакой другой, — да еще тогда, когда наличная власть делает героические усилия восстановить государственное хозяйство, хотя бы путем постепенного возвращения к «нормальным условиям хозяйственной жизни», до сих пор ею по принципиальным соображениям уничтожавшимися?

Я понимаю «формальных демократов» и радикалов-интеллигентов старого типа в их органической ненависти к «московским диктаторам». Эти по своему цельные, хотя и мало интересные люди еще долгое время останутся в России профессионалами подполья и перманентными обитателями Бутырок. Но разве место в их рядах или рядом с ними тем, кто так чуждается «дореволюционной интеллигентщины» и постиг до конца логику государственной идеи?

Пусть конечные цели большевиков внутренне⁷ чужды идеям государственного и национального могущества. Но не в этом ли и заключается «божественная ирония» исторического разума, что силы, от века хотящие «зла», нередко вынуждаются «объективно» творить «добро»?..⁸

Откровенно говоря, меня прямо поражает утверждение П. Б. Струве, что «события на опыте опровергли национал-большевизм». Мне кажется — как раз наоборот: события покуда только и делают, что подтверждают его с редкостной очевидностью, оправдывая все наши основные прогнозы и систематически обманывая все ожидания наших

«друзей-противников». Идеология примиренчества прочно входит в историю русской революции. Кстати, простая хронологическая справка опровергает догадку Струве о причинной зависимости этой идеологии от эпизодических большевистских успехов на польском фронте: определяющие положения национал-большевизма, тогда уже «носившиеся в воздухе» и проникавшие к нам из глубин России, были мною сформулированы печатно в феврале 1920 года, а устно и предположительно (ближайшим политическим друзьям) — еще раньше, в последние месяцы жизни омского правительства. Будучи внутренне обусловлена анализом русской революции, как известного сложного явления русской и всемирной истории, идеология национал-большевизма внешне порождена приятием⁹ результата нашей гражданской войны и открыто выявлена за границу в связи с ликвидацией белого движения в его единственной серьезной и государственно-многообещающей форме (Колчак-Деникин). Струве прав, признавая, что это течение *«родилось из русской неэмигрантской почвы и отражает какие-то внутренние борения, зачатые и рожденные в революции»*. Дни польской войны дали ему лишь яркий **внешний** пафос, естественно потускневший после ее окончания, но сделавший свое дело, широко распространив лозунги и проявив лик народившегося течения. Логическое же его содержание было нисколько не поколеблено неудачным исходом польской войны. Дальнейшие события — крушение Врангеля, сумевшего лишь обеспечить Польше рижский мир¹⁰, явное обмельчание и абсолютное духовное оскудение дальнейших белых потуг (ср. позорище нынешнего Владивостока¹¹), и, главное, начавшаяся тактическая эволюция большевизма — все это лишь укрепило нашу политическую позицию и обуславливало ее успехи в широких кругах русских националистов, заметно разочаровавшихся в эмигрантской «головке».

Мы никогда не ждали чуда от нашей пропаганды и не прикрашивали безотрадного состояния современной России. Приходилось выбирать путь наименьшего сопротивления, наиболее жизненный и экономный при создавшихся условиях. Нельзя было не предвидеть всей его тернистости и длительности, но выбора не было.

Пусть П. Б. Струве перечтет статьи своих единомышленников за последний год и сравнит их с литературой национал-большевизма: кто проявил большую трезвость, большее чутье действительности, и кто обнаружил больше политического «сумбура»? Кто сумел установить известную историческую перспективу, и кто фатально принимал всех мух за слонов, настоящего-то слона так и не удосужившись приметить?..

III

Наконец, что же противопоставляется самим П. Б. Струве отвергаемой им политической тактике? — Неясно. — «Сумбурно». Дразнящая «апория» на самом интересном месте, как в ранних диалогах Платона¹².

Впрочем, в «Размышлениях о русской революции» высказывается такой прогноз-императив: *«Русская контрреволюция, сейчас смятая и залитая революционными волнами, по-видимому, должна войти в какое-то неразрывное соединение с некоторыми элементами и силами, выросшими на почве революции, но ей чуждыми и даже противоположными»* (с. 32).

Эта туманная фраза (сама по себе дающая материал и для выводов в духе национал-большевизма) получает известное разъяснение в анализируемой статье из «Руля». И это разъяснение делает ее в моих глазах уже совсем неприемлемой. «Некоторые элементы и силы» — это, очевидно, прежде всего красная армия, которую П. Б. Струве и рекомендует использовать **непосредственно** в целях контрреволюции, т. е. направить ее против большевистского режима в той революционной борьбе, которую должны с ним вести национальные силы.

Этот рецепт при современной политической конъюнктуре явно неудачен: в лучшем случае он утопичен, а в худшем — антинационален и противогосударственен. Если он имеет в виду безболезненный и «в полном порядке» акт выступления красной армии (со всеми ее курсантами) против нынешней русской власти, во имя определенной идеи или определенного лица, — то он просто «лишен всякого практического смысла», и из него, как из наивной фантазии, «нельзя извлечь никаких директив для практических действий», даже при признании его «теоретически правильным». Если же он стремится разложить красную армию теми методами, какими в свое время большевики разлагали белую, — он национально преступен и безумен, ибо разрушит те «белые принципы», которые, по меткому замечанию Шульгина, переползли-таки за линию красного фронта в результате нашей ужасной, но поучительной гражданской войны¹³. Я убежден, что именно П. Б. Струве должен понимать лучше других всю безмерную опасность внесения революции в красную армию, всю недопустимость новой демагогической дезорганизации русской военной силы. Зачем же бросать недоговоренные лозунги и двусмысленные рецепты? К чему этот рецидив красной большевистской весны?..

Момент конфликта революции с «некоторыми элементами и силами, выросшими на ее почве, но ей глубоко чуждыми», еще далеко не настал и пока что он даже не обрисовывается впереди. Напротив, в данный момент наблюдается скорее своеобразное взаимное сближение этих двух факторов современной жизни России. Нет смысла искусственно вызывать или форсировать их конфликт, — гораздо более целесообразно добиваться возможно большего органического или даже механического приспособления революции к национальным интересам страны, хотя бы формально и внешне победа осталась за интернационалистической революцией, хотя бы лозунги ее были по-прежнему внешне противоположны началам национализма и государственности. И та сторона национал-большевизма, которую Струве неправильно называет «идеологией национального отчаяния», как раз и учитывает известную полезность революционной фирмы в «защитных» государственных целях. Не совсем для меня понятная ссылка на «чудовищное лицемерие и маккиавеллизм» такой точки зрения не может служить ее убедительным опровержением. Тем более, что ведь сама-то революция «субъективно» действует здесь без всякого лицемерия и маккиавеллизма. Следовательно, известные и чисто конкретные результаты (хотя бы они были и очень далеки от заправской «мировой революции») могут быть достигнуты. Для патриота же все действенные пути сохранения и восстановления родины, мыслимые при данных условиях, должны быть сполна использованы.

Тактика национал-большевизма столь же осмысленна, сколь ясна и внутренне цельна его идеология.

Две реакции

<Фрагменты>

Когда всматриваешься в нынешний облик русской эмиграции, замечаешь чрезвычайно знаменательный процесс, в ней совершающийся: ее «центр» расползается, уходя в «крылья». Этот процесс многими еще не осознан во всей его остроте, но, по-видимому, скоро он выявится еще резче. Тогда о нем заговорят все.

Наша контрреволюция, а затем и эмиграция, с октября 17 года до последнего времени выступали в массе своей под флагом либерально-демократической идеологии. Даже военные диктато-